

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Т. И. Радомская
г. Москва, Россия

**ТЕМА ПАМЯТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.
(В. П. ЗУБОВ, А. АХМАТОВА, М. ЦВЕТАЕВА): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация: В статье исследуется своеобразие восприятия категории «память» в русской культуре первой трети XX в. как одной из базовых категорий национальной концептосферы. Анализируется понимание этой темы в творческом мире ученого, религиозного мыслителя В. П. Зубова, в художественном осмыслении А. Ахматовой и М. Цветаевой. В связи с этим условно выделяются два смысловых спектра этого понятия: память-поминание и память-покаяние. Приводятся малоизвестные страницы из дневника В. П. Зубова 1920-х гг. и сопоставляются с художественными текстами М. Цветаевой: и у того и у другого автора обращение к памяти предков тяготеет к жанру поминания, где преодолеваются границы смерти. В связи с этим особое внимание уделяется неоконченному стихотворению 1940 г. «Многие мои, о, пьющие...». М. Цветаева делает рассеянных соединенными, умерших — сущими, таким образом воскрешая их. В художественном мире А. Ахматовой тема памяти звучит несколько по-иному, что доказывается через анализ «Реквиема». Если Цветаева воскрешает, то Ахматова погребает, провожает. Оба эти поминания, ставшие определенным знаком культуры 1920-х–1930-х гг., взаимосвязаны между собой новозаветной антиномией жизни и смерти. При анализе «Реквиема» А. Ахматовой в связи с этим уделяется большое значение интертекстуальным связям поэмы с богослужебными текстами Страстной Недели. Кроме того, в рассматриваемой поэме анализируется тема сохранения памяти как самостояния личности во времена беспамятства, разработанная А. Ахматовой.

Ключевые слова: память, молитва, покаяние, поэтика, образ, богослужение, текст, поэт.

Информация об авторе: Татьяна Игоревна Радомская — доктор филологических наук, профессор, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: radomtatic@gmail.com

Дата поступления статьи: 11.03.2019

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Радомская Т. И. Тема памяти в русской культуре первой трети XX в. (В. П. Зубов, А. Ахматова, М. Цветаева): к постановке проблемы // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 188–198.

В последнее десятилетие все более уделяется внимание осмыслению роли исторической памяти в кризисы переломных эпох, о чем непосредственно свидетельствуют тематика конференций, периодические издания, книги. Среди многочисленных вопро-

сов, поднимаемых при анализе этой темы, выделяется, на наш взгляд, один из наиболее важных — о сохранении исторической памяти для ориентации в настоящем. В частности, эта историческая тема была в определенной мере отражена в работе М. В. Ковалева «Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения исторической коллективной памяти» [5, с. 268–287].

В этом аспекте тема памяти была осмыслена, художественно воплощена в русской национальной духовной традиции, культуре, литературе на протяжении веков. В кризисные эпохи она начинает быть востребованной с особой силой, о чем свидетельствуют, в частности, и первые десятилетия XX в.

Чувство навек исчезающей эпохи наряду с ее же и забвением определяли жизнь русской культуры. С одной стороны, спешили запечатлеть уходящие лица, «улучки старой Москвы» (М. И. Цветаева) [11, с. 33–34], с другой — другое. Об этом «другом» уже через дистанцию пережитых десятилетий напишет А. Ахматова в «Поэме без героя», давая исторический портрет имперской столицы, имперской культуры прошлого, последнего мирного года — 1913-е перед I Мировой войной и последующими катаклизмами:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью
По Неве иль против течения,
Только *прочь от своих могил.*

(Курсив мой. — Т. Р.) [1, с. 603].

Как-то так меняется течение «реки времен», вернее, как-то так меняется ее восприятие, что кажется возможным плыть «от своих могил». Тема траура («траурного города») здесь связывается как раз не с памятью о могилах, а с беспомощностью и неопределенностью будущего «плаванья» («по неведомому назначенью»).

Итак, сохранение исторической памяти, памяти могил, для ориентации в настоящем. Эта тема, наверное, становится одной из ключевых в русской жизни и в русской литературе XX в., но мы остановимся на первой трети ушедшего столетия, в данной статье лишь намечая определенные векторы развития этих вопросов.

В православной традиции память — одна из основных категорий, устрояющих мир, быт и душу отдельного человека. Церковная служба в честь святых называется «памятью». «Поминаньем» называется лист, тетрадь с именами усопших, в православных семьях они особо хранились, и часто родные знали свой род по памяти, так как поется в панихиде: «И память их в род и род» [7, с. 331].

В русской литературе XIX в. А. С. Пушкин был одним из тех, кто одновременно глубоко духовно и глубинно эмоционально, личностно осознал феномен этой национальной жизни. Такое свойство поэта — в сочетании «чувства имманентного присутствия Божественного начала в природе и человеческой душе с острым чувством трансцендентности» четко определил в нем С. Л. Франк [10, с. 124]. Может быть, в этом один из ответов на вопрос, почему в русское лихолетье XX в. многие представители русской интеллигенции в очередной раз вновь обратились к А. С. Пушкину. В его хрестоматийно известном «Два чувства дивно близки нам...» поэт называет именно память одним

из условий сохранения личности. Родное пепелище, отеческие могилы — особые места. Здесь человек чувствует себя «вписанным» в пространство не только временного, но и вечного. Через личную родовую память, поминание близких, молитв о них он соприкасается с «жизнью бесконечной» (из «Панихиды по усопшим») [7, с. 331], обретая «самостоянье человека» [8, с. 19].

В XX в., как сказала А. Ахматова, «<...> город плыл <...> от своих могил». После Октябрьских событий траектория и последствия такого плавания становятся очевидными. Удивительно здесь то, как гибельность беспамятства особо остро начинают ощущать еще совсем молодые люди, не только старшее поколение. Так, будущий известный философ, историк науки В. П. Зубов, тогда еще юноша, противостоя разрушению и хаосу, начинает записывать в Москве свою семейную хронику. Она заканчивается следующими словами-обращением к читателю: «“Оживут ли кости сия?” — эти слова из книги пророка Иезекииля преследовали меня всякий раз, когда приходилось пересматривать бумаги предков. Не смейся, читатель, над скромным и убогим трудом моим и не презирай его. Помни, что человека от животных отличает *дар памяти*. В нем — *искра бессмертия, победа над змием тления*. Пусть же будут эти записки келейным поминовением усопших, а не материалом для холодной статистики и бездушной социологии» (курсив мой. — Т. Р.) [3].

В Москве 1918 г. 25-летняя Марина Цветаева пишет «Мракобесие. — Смерть. — Содом. <...>». В нем пушкинская тема памяти — могил — Вечности развивается ей и в контексте самой пушкинской поэтики, его художественной образности. Прадедовы дубы у М. Цветаевой как символ вечной жизни восходят к пушкинскому дубу, олицетворяющему бессмертие («Когда за городом задумчиво я брожу...»). «На кладбище родовом» у А. С. Пушкина нет смерти, мертвые не умирают, а «дремлют» («там дремлют мертвые в торжественном покое») [8, с. 147].

У М. Цветаевой «садик сына и дедов холм» [6, с. 29] — два символа прошлого и будущего — объединяются образами «прадедовых дубов», а прадеды — это и Вечность, и память.

Позже, за границей, М. Цветаева, подобно В. П. Зубову, создаст свою семейную хронику, запечатлев мать, отца, неродного деда известного историка Д. И. Иловайского, ушедших эпоху, страну.

У М. Цветаевой есть одно из неоконченных поздних стихотворений «Многие мои! О, пьющие...»:

Многие мои! О, пьющие
 Душу прямо у корней.
 О, в рассеянии сущие
 Спутники души моей!

Мучиться мне — не отмучиться
 Вами,
 О, в рассеянии участи —
 Сущие души моей!

Многие мои! Несметные!
 Мертвые мои (— живи!)
 Дальние мои! Запретные!
 Завтрашние не-мои!

Смертные! мои! Бессмертные

Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
Небе — стаяй журавлей...
О, в рассеянии участи
Сущие — души моей!

Вы, по гульбищам — по кладбищам —
По узилищам —
Январь, 1940, Голицыно

[6, с. 60].

В нем точно передан особый духовный пейзаж XX в. — беспредельность земных, небесных, подземных, пространств, неумолимо разделяющих близких людей. Характер такой близости определяется поэтом через слово «сущие»: «сущие души моей» [6, с. 60].

Данное стихотворение, несмотря на его тематику, лишено того характера трагичности, который присущ творчеству поэта 1920-х гг., хоть мир, показанный в нем, гораздо страшнее. Этот текст написан М. Цветаевой в январе 1940 г. в Голицыне, как следует из авторской датировки. В это время поэтом уже было потеряно почти все земное, были арестованы дочь, муж, дома не было уже давно, было скитание по углам и в тот момент уже не московским. Однако удивительно легкий, как бы парящий стихотворный ритм, казалось бы, не соответствует происходящему и изображаемому. Он как будто бы передает полет, преодолевающий границы земного рассеяния и границы жизни и смерти. Образ неба и стаи журавлей в нем усиливают это впечатление: кажется, что душа поэта поднялась над всеми беспредельными местами земли, по которым разбросаны «спутники души...», над собственным январем 1940 г. в Голицыне, чтобы увидеть своих близких, вспомнить их.

Человек, несущий в себе память о «сущих», способен по-прежнему ощущать их «сущими» своей и души, и судьбы, хоть они в это время — и в «узилищах», и на кладбище, и в небе.

Пока есть память, у поэта сохраняется его дар точного называния, вообще присущий поэтике М. Цветаевой. А точно назвать в данном контексте — это и помнить, и поминать.

В «Многие мои! О пьющие...!» М. Цветаевой создан неповторимый центральный образ и стихотворения, и самой жизни поэта. Это — «в рассеяния участи сущие души моей». Такой формулой отношений и судьбы людей первой половины XX в. определено многое. Узилища, земные, небесные расстояния, кладбища — все земное рассеяние участи — это не сущее по сравнению с теми, кто любит, «пьет душу прямо у корней». Сила любви и сила памяти сохраняют разделенных-соединенными, ушедших — живыми, сущими — «спутниками души». Накануне собственной гибели М. Цветаева в художественном тексте побеждает разделяющую силу мира сего, несущую смерть, создавая свое поминание. При этом оно имеет характерную особенность: поминая, она не хоронит, делая ушедших — сущими.

Наверное, нечто подобное происходит и в случае с В. П. Зубовым. Его биограф, дочь М. В. Зубова, усилиями которой для нас постепенно становится доступным в печати обширное творческое наследие этого ученого-энциклопедиста, религиозного мыслителя, приводит один фрагмент из дневника 18-летнего юноши: «За домом пу-

стынные сады, обнаженные деревья, пасмурный октябрь, тьма <...> сегодня холодные дали, пронзительный ветер, обнажившиеся аллеи. Было сознание какой-то обреченности. Холодный серп судьбы, блистающий на жатве мира <...> Разваливающийся павильон — обречен быть сожженным зимой. Многие люди обречены, подобно зданиям» [4, с. 9].

Это надвигающееся чувство обреченности, смерти, соседствующей с холодом и пустотой, тогда еще очень молодой человек преодолевает через память о людях, живших по-другому, несущих не смерть, а жизнь, создавая свою семейную хронику. Память для него, как свидетельствуют его выше приводимые записи, это преодоление смерти, «победа над змием тления».

Тема памяти становится одной из центральных в творчестве А. Ахматовой. В ее художественном мире она явлена в самых разных аспектах: социальном, психологическом, духовном.

Один из ключевых образов, связанных с ней, — образ подвала. Он явно присутствует в стихотворения «Подвал памяти» и более скрыто — в «Поэме без героя».

«Подвал памяти» написан в январе 1940 г. В нем описывается «Бродячая собака» — артистическое кафе, место поэтов, писателей, художников Серебряного века, место юности А. Ахматовой. Оно действительно помещалось в подвальчике на Михайловской площади, дом 5.

В автографе «Подвала памяти» был эпиграф «“О погреб памяти”. Хлебников» Он является первой строкой из его поэмы «Жуть лесная» (1914), также описывающей «Бродячую собаку». В самом тексте «Подвала памяти» есть непосредственные указания, что подвал, в который спускается героиня, — это место бывшей «Бродячей собаки». Это строчка посвящена завсегдатаю «Бродячей собаки», поэту М. Кузмину («от старости скончался тот проказник») [1, с. 383].

В стихотворении память и сам процесс воспоминания ассоциируются с подвалом, спускаясь по которому на каждой ступеньке встречаешься с тем или иным призраком-воспоминанием, негреющим, неприятным, прошлое прямо названо «врагом»: «Я знаю, что иду туда к врагу» [1, с. 383].

Этот спуск к своему прошлому не дает опоры, обретения корней, ощущения встречи с «жизнью бесконечной», что происходит в воспоминаниях В. П. Зубова, М. И. Цветаевой. У А. Ахматовой в 1940 г. праздник прошлого, воспоминания о нем ведут к горчайшему вопросу: «Но где мой дом и где рассудок мой?...» [1, с. 383]. Прошлое своего поколения — именно туда оборачивается героиня «Подвала памяти». Это прошлое ее ушедшего Серебряного века. Об этом свидетельствуют и прямые отсылки текста («уж тридцать лет как проводили дам») [1, с. 383], указывающие на 1910 г., и приводимые выше его внетекстовые реалии. Но это прошлое не только не дает опоры, но воспринимается поэтом как возмездие, что будет в дальнейшем художественно развито в «Поэме без героя», начало работы над которой тоже относится к 1940 г.

Ее Вступление открывается образом башни, откуда предстоит спуск, что ассоциативно может быть связано с образом «подвала памяти», под своды которого сходит героиня («и под темные своды схожу...») [1, с. 588], как и в «Подвале памяти». Входит, перекрестившись, как на встречу или с покойником, или с чем-то темным («темные своды»), или и с тем другим. Это встреча с Серебряным веком, со своей юностью. В поэме изображается маскарад 1913 г. в Петербурге, последний довоенный маскарад в последний раз в городе с названием Петербург (в августе 1914 г. в связи с началом I Мировой войны город переименован в Петроград). Маскарад, символично завершающий

петербургский период русской истории и все вытекающие отсюда последствия русской культуры и жизни.

Но это прошлое неразрывно связано с настоящим, оно является его продолжением, что неизбежно может вести за собой и темы возмездия, расплаты:

Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки,
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет
Страшный праздник мертвой листвы.
[1, с. 252].

Прошлое не исчезает бесследно и имеет свое продолжение в страшном настоящем, как бы героиня ни не хотела встречаться ни с ним, ни с собой из тех лет:

С той, с которой была когда-то
В ожерелье из черных агатов
До долины Иосафата
Больше встретиться не хочу.
[1, с. 252].

А. Ахматова это осознает и «строк печальных не смыкает», говоря словами еще одного воспоминания любимого ею поэта («Воспоминание» А. С. Пушкина). Не случайно в части «Решка» через эпиграф А. С. Пушкина («Я воды Леты пью...») [2, с. 610] намечена переключка и с темой памяти в его художественном мире.

Память в «Поэме без героя» связана и с мотивом жжения, заданным с первых же строк поэмы («и вино, как отравка жжет <...>») [1, с. 590]; он может, в свою очередь, ассоциироваться и с образом совести, которая жжет, как повесть прошлого, написанного раскаянием. Именно так поэт заканчивает свою историю маскарада 1913 г.:

Это я-твоя старая совесть —
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила и на цыпочках ушла.
[1, с. 608].

В теме памяти, рождающей тему покаяния, «Поэма без героя» созвучна еще одному воспоминанию — «Воспоминанию» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») А. С. Пушкина.

Всем известно, что одна из центральных тем «Реквиема» (как следует из самого названия поэмы) — память-поминание, и очевидно, что она посвящена жертвам террора. Но «Реквием» не только об этом. В нем и с духовной, и с психологической точностью показывается как человеком обретаются способность и силы «творить Вечную память» [7, с. 331] тогда, когда все стремилось «прочь от своих могил».

В кульминации «Реквиема» А. Ахматова честно и реально говорит о том, что матери жить со знанием и постоянной памятью о мучениях сына в заключении, невыносимо. Отсюда возникает стремление к беспомытству:

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

[2, с. 15].

Попытка жить снова, вне памяти, приводит к двум возможным вариантам судьбы — или к смерти, или к безумию. Поэтому вслед за темой беспомощностью в последующих главах возникают темы смерти («К смерти») и безумия («Уже безумие крылом души накрыло половину...»).

В конце поэмы поэт показывает и третий путь в главе «Распятие».

Если в «Приговоре», «К смерти», «Уже безумие крылом души накрыло половину...» А. Ахматова показывает события тех лет через раскрытие своей боли, мысли — своего внутреннего мира, и в этом смысле она более лирична, то в «Распятии» она более эпична. Через слово поэт создает духовную картину, отсылающую нас к церковным службам Страстной Седмицы, особо выделяя службу Великой Субботы. В эпитафии А. Ахматова дает в несколько измененном виде ирмос канона песни 9, который поется в этот день: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе» [9, с. 310].

Эпитафия к «Распятию»: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе сущу» [2, с. 18].

Далее через сюжет поэт показывает и евангельские события, раскрывающие сам эпитафия:

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О не рыдай Мене!»

[2, с. 18].

Во второй строфе она показывает образ Распятия, эта часть стихотворения может быть отнесена к духовному жанру ставрофеотокиона-гимнографии на тему Богоматери, стоящей у Креста, имеющему большое распространение в русской литературе. Поэт словом изображает молча стоящую у Креста Божию Матерь, не внося в эту духовную картину страдания от себя ничего. Она стремится засвидетельствовать через изображение, но не самовыражение события последних дней Страстной Недели. Поэтика «Распятия» как бы подчиняется самому строю богослужения Великой Субботы, выраженной в песнопении на литургии в этот день, исполняемом вместо Херувимской песни:

Да молчит всякая плоть человека,
И да стоит со страхом и трепетом,
И ничтоже земное в себе да помышляет:
Царь бо царствующих,
И Господь господствующих,
Приходит заклатися
И датися в снедь верным

[9, с. 319].

Душевная «плоть человека» молитвенно молчит и сопричастна у Распятия и не ищет поэтому особых, экспрессивных самовыражений.

Так кончается «Реквием», и только в Эпиллоге как итог пережитого, как завершение текста, собственно, и обретается третий путь-способность «творить Вечную память» через слово поэта. Эта способность помнить о невыносимом дается не в каком-то духовно-неопределенном мире, его четкие координаты указаны поэтом в «Распятии» — через эпитафию, свой собственный текст и его особую духовную поэтику. Это мир молитвы, церковного богослужения, конкретно — Великой Субботы. Присутствие в нем дает вынести то, что сам человек вынести не в состоянии:

Нет, это не я, это кто-то другой так страдает,
Я бы так не могла...

[2, с. 11].

Как результат и итог этого духовного пути к Богу и с Богом и появляется поминальная молитва А. Ахматовой, заключающая поэму:

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

[2, с. 20].

Почти в одно и то же время два поэта создают два художественных текста, которые являются текстами-поминаниями.

Для создания такой поминальной молитвы и тем и другим решаются общие человеческие и творческие задачи: им надо помнить и найти слова, чтобы помянуть. При этом А. Ахматова из слов «ткет» саван («широкий покров»), она погребает и прощается. М. Цветаева уже погребенных делает сущими и встречает их воскресшими.

Показательно, что в эпитафии, как мы писали выше, А. Ахматова, несколько перефразируя ирмос 9-й песни канона Великой Субботы, приводит только его начало. Полностью он звучит так: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Его же во чреве без семени зачала еси Сына: встану бо и прославлюся» [9, с. 310]. Поэт сосредоточивает свое внимание на теме Распятия и Погребения, о чем свидетельствует дальнейший текст главы.

Оба эти поминания взаимосвязаны и сопряжены в антиномическом единстве жизни и смерти, восходя к новозаветной традиции и к церковным богослужебным тек-

стам, особенно к Литургии Великой Субботы, на которую непосредственно указывает один из авторов. Именно в этот день Страстной Седмицы в богослужении соединяются и скорбь о погребенном Спасителе, и радость о его победе над адом и тлением: на Литургии Великой Субботы вспоминаются и Его пребывание во гробе (телесно), и Его сошествие во ад душой для победы над смертью, и введение Им покаявшегося разбойника в рай. Уже в Великую Субботу звучит торжественное и победное: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех» [9, с. 319], и в это время иереи и диаконы «извлекаются черных одежд и облачаются в белые» [9, с. 319].

Так, в русском художественном тексте первой трети XX в. в противовес смерти, разрушению, беспамятству обращение к памяти дарует и покаяние, и возможность поминать тех, чьи имена и места захоронения могут быть забыты и сокрыты, и почувствовать «жизнь бесконечную».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1984. 720 с.
- 2 Ахматова А. Реквием. 1935–1940. Мюнхен: Тов-во Зарубежных Писателей, 1969. 24 с.
- 3 Зубова М. В. Время в жизни и трудах религиозного мыслителя В. П. Зубова. (В печати).
- 4 Зубова М. В. Предисловие // Избранные труды по истории философии и эстетике, 1917–1930 / сост. М. В. Зубова. М.: Индрик, 2004. 448 с.
- 5 Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: Наука, 2012. С. 268–287.
- 6 Марина Цветаева: “Берегите Гнездо и Дом...”. Страницы русского лихолетья в творчестве поэта / авт.-сост. Т. И. Радомская. М.: Совпадение, 2005. 240 с.
- 7 Православный богослужебный сборник. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1991. С. 331–332.
- 8 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3. 562 с.
- 9 Триодь постная. М.: Издат. Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 2. С. 319–320.
- 10 Франк С. Л. Этюды о Пушкине. М.: Согласие, 1999. 128 с.
- 11 Цветаева М. И. Соч. в 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 33–34.

***

© 2019. Tatiana I. Radomskaia
Moscow, Russia

ON THE CONCEPT OF MEMORY IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE EARLY 20TH CENTURY (V. P. ZUBOV, M. I. TSVETAeva, A. A. AKHMATOVA)

Abstract: The article addresses peculiarities of perception of the category “memory” in the Russian culture of the first third of the 20th century as one of the basic categories of the national sphere of concepts. For a deeper understanding of this topic the author looks at the creative world of the scientist, religious thinker V. P. Zubov, artistic interpretations

of A. Akhmatova and M. Tsvetaeva. For the purposes of the study two semantic spectra of the term are highlighted: memory-commemoration and memory-repentance. The paper displays little known pages from the diary of V. P. Zubov of the 1920s comparing them with literary texts of M. Tsvetaeva: appealing to the memory of ancestors by both the authors tends to the genre of commemoration, where the boundaries of death are transcended. In this view, special attention is paid to the unfinished poem of 1940 “Many of my, Oh, drinkers...”. M. Tsvetaeva makes the scattered ones United, the dead — existing, thus bringing them back to life. In the artistic world of A. Akhmatova theme of memory sounds somewhat different, which is proved through the analysis of “Requiem”. While Tsvetaeva resurrects, Akhmatova buries, farewells. Both these commemorations, which became a certain feature of the culture of the 1920–1930s, are interconnected through the New Testament’s antinomy of life and death. That is why during the analysis of A. Akhmatova’s “Requiem” much attention is given to the intertextual links between the poem and liturgical texts of the Holy Week. Furthermore, the poem explores the topic of preserving memory as self-identity in the time of unconsciousness and oblivion, developed by A. Akhmatova.

Keywords: memory, prayer, confession, poetics, image, liturgy.

Information about the author: Tatiana I. Radomskaya — DSc in Philology, Professor, A. N. Kosygin Russian State University, Institute of Slavic Culture, Khibinsky pr. 6, 129125 Moscow, Russia. E-mail: radomtatic@gmail.com

Received: March 11, 2019

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Radomskaya T. I. On the concept of memory in the Russian culture of the early 20th century (V. P. Zubov, M. I. Tsvetaeva, A. A. Akhmatova). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 188–198. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Akhmatova A. A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 720 p. (In Russian)
- 2 Akhmatova A. *Rekviem. 1935–1940* [Requiem. 1935–1940]. Miunkhen, Tovarishchestvo Zarubezhnykh Pisatelei Publ., 1969. 24 p. (In Russian)
- 3 Zubova M. V. *Vremia v zhizni i trudakh religioznogo myslitel'ia V. P. Zubova. (V pechati)* [Time in the life and works of the religious thinker V. P. Zubov. (In print)]. (In Russian)
- 4 Zubova M. V. Predislovie [Preface]. *Izbrannye trudy po istorii filosofii i estetiki, 1917–1930* [Selected works on the history of philosophy and aesthetics, 1917–1930], compiled by M. V. Zubova. Moscow, Indrik Publ., 2004. 448 p. (In Russian)
- 5 Kovalev M. V. Istoricheskie prazdniki russkoi emigratsii kak sposob sokhraneniia kollektivnoi pamiati [Historical holidays of Russian emigration as a way of preserving collective memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamiati* [Crises of critical epochs in historical memory]. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 268–287. (In Russian)
- 6 Marina Tsvetaeva: “Beregite Gnezdo i Dom...”. *Stranitsy russkogo likholet'ia v tvorchestve poeta* [Marina Tsvetaeva: “Take Care of the Nest and the House...”. Pages of Russian hard times in the works of the poet], author-compiler T. I. Radomskaya. Moscow, Sovpadenie Publ., 2005. 240 p.
- 7 *Pravoslavnyi bogoslužebnyi sbornik* [Orthodox liturgical collection]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1991, pp. 331–332. (In Russian)

- 8 Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 9 t.* [Complete works: in 9 vols.] Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. Vol. 3. 562 p. (In Russian)
- 9 *Triod' postnaia* [Lenten triode]. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2002, part. 2, pp. 319–320. (In Russian)
- 10 Frank S. L. *Etiudy o Pushkine* [Sketches of Pushkin]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 128 p. (In Russian)
- 11 Tsvetaeva M. I. *Sochineniia v 2 t.* [Works in 2 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1980, vol. 1, pp. 33–34. (In Russian)